

УДК 94(470.55/.58):323.15"193"
doi: 10.21685/2072-3024-2023-2-7

Национальные меньшинства и национальная политика на Южном Урале в 1930-е гг.

А. И. Ажигулова

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия
azhigylova@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Современная Россия представляет собой многонациональное единство благодаря исторически сложившейся национальной политике. Изучение исторического опыта административно-территориального устройства, культурно-просветительской политики среди нерусского населения позволит укрепить действующую национальную политику. Цель работы – анализ национальной и культурно-просветительской политики среди национальных меньшинств на Южном Урале в 1920–1930-е гг. *Материалы и методы.* В ходе исследования были проанализированы статистические сведения итогов всесоюзных переписей населения 1926 и 1939 г., составленные В. П. Мотревичем, сборник документов «Челябинская область. 1917–1945 гг.» под редакцией профессора П. Г. Агарышева. Изучены документы Объединенного государственного архива Оренбургской области, Самарского областного государственного архива социально-политической истории. Особый интерес представляют отчетные сведения о работе среди национальных меньшинств. Автором был применен математический метод статистики, позволивший выделить численность населения, процентное соотношение национального состава, сравнительно-исторический метод позволил оценить культурный уровень национальных меньшинств, эффективность культурно-просветительской работы среди них. *Результаты.* Исследованы основные направления административной, культурно-просветительской, санитарно-профилактической деятельности среди национальных меньшинств на Южном Урале, проведено сравнение соотношения национального состава по административно-территориальным единицам Южного Урала. Рассмотрены особенности культурного уровня среди разных национальностей. *Выводы.* Национальная политика на Южном Урале реализовывалась в соответствии с общегосударственными целями. Национальные меньшинства получили возможность широкой реализации собственных прав. В 1930-е гг. выделяются национальные районы, активно проводится коренизация, национальные меньшинства занимают руководящие посты, получают образование, повышают культурный уровень.

Ключевые слова: советская власть, культурно-просветительская деятельность, национальная политика, Южный Урал

Для цитирования: Ажигулова А. И. Национальные меньшинства и национальная политика на Южном Урале в 1930-е гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 67–76. doi: 10.21685/2072-3024-2023-2-7

National minorities and national policy in the Southern Urals in the 1930s

A.I. Azhigulova

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

azhigylova@mail.ru

Abstract. *Background.* Modern Russia is a multinational unity due to the historically established national policy. The study of the historical experience of the administrative-territorial structure, cultural and educational policy among the non-Russian population will strengthen the current national policy. The purpose of the work is to analyze the national and cultural and educational policy among the non-Russian population in the Southern Urals in the 1920 years and 1930 years. *Materials and methods.* In the course of the study, statistical data on the results of the All-Union Population Censuses of 1926 and 1939, compiled by V.P. Motrevich, collection of documents “Chelyabinsk region. 1917–1945” edited by Professor P.G. Agaryshev were analyzed. The documents of the United State Archive of the Orenburg region and the Samara Regional State Archive of Socio-Political History were studied. Of particular interest are the reporting data on work among national minorities. The author applied the mathematical method of statistics, which made it possible to identify the population, the percentage of the national composition, the comparative historical method made it possible to assess the cultural level of national minorities, the effectiveness of cultural and educational work among them. *Results.* The main directions of administrative, cultural, educational, sanitary and preventive activities among national minorities in the Southern Urals are investigated, the ratio of the national composition by administrative-territorial units of the Southern Urals is compared. The features of the cultural level among different nationalities are considered. *Conclusions.* The national policy in the Southern Urals was implemented in accordance with national goals. National minorities have been given the opportunity to widely exercise their own rights. In the 1930 years, national districts were allocated, korenization was actively carried out, national minorities occupied leadership positions, received education, and raised the cultural level.

Keywords: Soviet power, cultural and educational activities, national policy, Southern Urals

For citation: Azhigulova A.I. National minorities and national policy in the Southern Urals in the 1930s. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2023;(2):67–76. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2023-2-7

После образования Советского Союза в числе ряда важных государственных вопросов находился национальный вопрос. Десятки разных этнических групп вошли в состав СССР, что требовало правовой основы регулирования национальных отношений. В таких условиях советская власть приняла необходимые меры по урегулированию национального вопроса. В первую очередь Советское государство обеспечило интересы национальных меньшинств за счет компактного расселения, повышения уровня образованности, обеспечения медицинским обслуживанием, вовлечения в политическое, культурное, социальное развитие страны. Преимущество положительного опыта национальной политики в предыдущем столетии поможет в решении современных межнациональных вопросов. В 1920–1930-е гг. проводилась специальная политика коренизации, направленная на сближение центральной власти с национальными окраинами. Определение коренизации в толковом словаре следующее:

коренизировать, значит организовать (местные учреждения национальных областей) так, чтобы работа производилась представителями местного, коренного населения [1, с. 1465]. О политике советской власти по национальному вопросу было заявлено Сталиным в 1920 г., который считал необходимым развивать местную национальную школу, национальный театр, национальные просветучреждения, поднимать культурный уровень народных масс окраин. Кроме того, все советские органы на окраинах, суд, администрация, органы хозяйства, органы непосредственной власти (а также и органы партии) должны были составляться по возможности из местных людей, знающих быт, нравы, обычаи, язык местного населения. В качестве серьезных преград по пути к осуществлению советской автономии Сталин выделял недостаток интеллигентных сил местного происхождения на окраинах, недостаток инструкторов по всем без исключения отраслям советской и партийной работы [2].

Южный Урал в составе трех административно-территориальных единиц – Оренбургской, Челябинской областей и Башкирской АССР – характеризуется национальным разнообразием. В 1930-е гг. местные представители власти вели непрерывную культурно-просветительскую работу среди национальных меньшинств, учитывали их интересы при административно-территориальном делении на районы. Особенности национального состава сказывались на аграрном и индустриальном развитии региона, отражали демографические процессы – воспроизводство, матримониальность. Национальному вопросу уделялось особое внимание в силу стремления руководящей партии к достижению равенства для всех жителей Советского Союза. Не будет преувеличением утверждение, что зачастую интересы национальных меньшинств соблюдались ревностнее, чем интересы большинства. Для соблюдения прав национальных меньшинств были созданы специальные структуры во власти, чтобы достичь фактического равенства интересов, хозяйственного и культурного развития. Автор данной статьи освещает повседневную жизнь национальных меньшинств, политическую и культурно-просветительскую деятельность местных органов власти среди них. Отсутствие серьезных межнациональных противоречий в этот период свидетельствует об их эффективной работе в данном направлении.

В историографии национальной политике и ее освещению придавалось большое значение, но в основном оценка касалась всесоюзного уровня. Первые труды по национальному вопросу выходят в 1920-е гг. [3]. В данных работах дается оценка национальной политики, отмечаются произошедшие изменения. В 1930-е гг. появляется принципиальная концепция советской идеологии в отношении национального вопроса, поэтому вышедшие труды можно назвать идеологизированными [4, 5], но достоинством этих работ можно считать опору на архивные источники и региональный характер.

На уровне Советского Союза национальную политику рассматривали Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева [6]. Изучению национального вопроса на Южном Урале посвятили ряд работ современные исследователи, например А. В. Федорова [7], В. В. Амелин и Торукало В. П. [8], К. А. Моргунов [9, 10]. Таким образом, национальный вопрос и культурно-просветительская деятельность среди национальных меньшинств в первые десятилетия советской власти рассматривались в разные периоды развития нашего государства, данная статья является дополнением к имеющимся трудам.

Административно-территориальное деление в Советском Союзе происходило в соответствии с национальным составом, поэтому на Южном Урале выделение национальных районов в целях обеспечения интересов национальных меньшинств могло быть даже в случае отсутствия установленной для этого среднеокружной нормы населения [11, л. 7]. Например, Окрисполком Челябинской области в случае укрупнения сельских советов в качестве приоритетной задачи выделял сельсоветы среди национальных меньшинств. Поэтому при районировании Троицкого округа было выделено 16 сельских советов национальных меньшинств: нагайбакских 7, татарских 4, украинских 3, башкирских 1, мордовских 1 [12, с. 113–114]. Оренбургская область была представлена следующими национальными районами: казахское население в Буртинском, Домбаровском районах, татарское население в Илекском, Оренбургском, Орском, Краснохолмском, Асекеевском районах, немцы, мордва в Покровском районе [13, л. 95]. По мнению К. А. Моргунова, «национально-государственное строительство в период с 1924 – до середины 1930-х гг. на Южном Урале имело достаточно гибкие формы территориальной автономии, учитывая разнообразные национально-культурные потребности населения. Национальные меньшинства, проживающие вне пределов своей национальной автономии или не имеющие таковой вовсе, получили возможность создания своих национальных районов и сельских советов» [10, с. 18].

Работа по созданию руководящих кадров из национальных меньшинств сопровождалась определенными трудностями. Национальные меньшинства не всегда хорошо владели русским языком, поэтому обучение было затруднено. Существовал еще ряд проблем, связанных с культурными отличиями, национальными предрассудками, которые препятствовали быстрому кадровому росту среди национальных меньшинств. Например, в одном из Оренбургских национальных районов, Буртинском, по предложению секретаря Обкома ВКП(б) П. Г. Гришаева, райком партии должен был провести работу по подготовке и выдвижению кадров работников из казахов, а также способствовать выдвижению казашек на руководящую работу в районе, сельских советах и колхозах (в силу ментальных особенностей среди казахского населения в 1930-е гг. существовал патриархат, который препятствовал общественной жизни женщин). В процессе реализации предложения Гришаева выяснилось, что в Буртинском районе работает лишь 7 человек национальных меньшинств казахов, в основном технические работники и инструкторы, на руководящей советской, хозяйственной и кооперативной работе, работе в судебно-следственных органах нет ни одного работника из национального меньшинства. Делопроизводство в районных учреждениях велось исключительно на русском языке, которым национальные меньшинства казахов не владели [14, л. 24]. Подчеркивалось, что массовая политико-просветительская работа была недостаточна, особенно ликвидация неграмотности среди взрослого населения. Даже председатели сельских советов и колхозов, которые работали по 5–8 лет, например Искабылов, Абдушев и др., были неграмотными [14, л. 25]. Заведующий отделом национальных меньшинств Джаманов связывал отставание Буртинского района по хозяйственно-политическим вопросам с плохой работой по выращиванию кадров среди национальных меньшинств и плохой массово-политической работой среди казахского населения колхозников [14, л. 26].

В целях выдвижения национальных меньшинств на руководящие и административные должности решением Бюро райкома было предложено председателем Буртинского районного исполнительного комитета выдвинуть У. Менгишева, заведующим районного финансового отдела – Т. Джанибекова, вторым секретарем райкома комсомола – Казмухамедова и т.д. Это решение бюро вторым решением от 13 декабря 1935 г. было отменено, потому что Менгишева нашли неповоротливым, Жанибекова – больным, а Казмухамедова – лодырем [14, л. 27]. Таким образом, коренное население не всегда имело необходимую квалификацию для занятия определенных должностей. Основной проблемой оставался языковой барьер. Трудящиеся казахи, обращавшиеся в районные учреждения, не могли получить разрешения вопросов, по которым обращались, потому что руководители районных учреждений не знали казахского языка, а обращавшиеся казахи – русского. Жалобы на казахском языке не принимались, а если принимались, то формально и не разбирались по вышеизложенной причине. Иногда кадры районных учреждений не были заинтересованы в происходящем в национальных селах, поэтому не пытались узнать что-либо у приезжающих национальных меньшинств. Так, районный прокурор Балакин в колхозы не выезжал, в особенности в казахские, потому что не знал казахской письменности, работники районного земельного отдела и машинно-тракторной станции тоже не приезжали в казахские колхозы. Инструктор Революционного комитета ВКП(б) Тасеменов докладывал, что к национальным меньшинствам проявлялось недоверие. Например, на всех мельницах района казахам помол производится в последнюю очередь, через месяц и больше. Из-за этого во многих колхозах у людей не было муки и хлеба, они были вынуждены есть жареную пшеницу, толченое просо, это отражалось на производстве колхозов [14, л. 28].

Среди национальных меньшинств постоянно проводилось культурное просвещение, в национальных районах Оренбургской области русское население обучало национальные меньшинства, как правильно пользоваться швейной машиной, утюгом, сепаратором, маслобойней, их перевозили из аула в аул и демонстрировали принцип работы. Для казахского населения, которое не употребляло овощей в своем рационе и не разводило огородов, были проведены специальные собрания делегатов, которые показывали засаживание огородов овощами, плодово-ягодными культурами и т.д. Велась санитарно-просветительская работа по соблюдению гигиены в быту, пропагандировалось мытье посуды после употребления пищи, выпечка хлеба, стирка одежды, уборка помещений, а также профилактика социальных болезней, таких как туберкулез, сифилис [13, л. 96, 99].

Как уже подчеркивалось ранее, национальные районы часто отставали в хозяйственно-экономическом отношении. В докладной записке секретарям Оренбургского Обкома ВКП(б) товарищам А. Ф. Горкину и П. Г. Гришаеву от секретаря Асекеевского райкома ВКП(б) С. Кононова сообщалось, что этот национальный район является одним из отсталых районов области. Требовалась значительная помощь для того, чтобы поставить его хотя бы на уровень других районов области. С. Кононов сообщал, что национальные колхозы района, такие как им. Фрунзе, 3-й год пятилетки, Баку, Кинель, 8 марта, Новый Донбасс и т.д., из года в год страдали от недорода и только в 1935 г. получили

удовлетворительный урожай, распределили по 5–6 кг хлеба на трудодень. Соседние ненациональные колхозы и в 1935, и в 1934 г. получили высокий урожай. Поэтому в уровне благосостояния национальных и не национальных колхозов существовал резкий контраст. Такое отставание национальных колхозов Кононов видел в организационной распущенности и расхлябанности в этих колхозах [15, л. 1]. Колхозные дворы были мало обеспечены скотом, от животноводческой фермы было только название или ее совсем не было [15, л. 4]. Что касалось обучения, то местные учителя недостаточно владели методикой преподавания и в большинстве закончили только краткосрочные педагогические курсы [15, л. 6]. Медицинское обеспечение районов также нуждалось в кадрах. В самом Асекееве находилась больница на 20 коек и амбулатория, которая обслуживалась одним врачом и двумя работниками среднего медицинского персонала. Врачебная амбулатория в с. Мартыновка находилась в 30 км от районного центра и не имела врача и акушерки. Там работал один ротный фельдшер и сестра. Два фельдшерско-акушерских пункта в татарских селах Мукменево и Кутлуево не имели акушерок, в одном из них работали фельдшер и медсестра, а в другом – только фельдшер. Квалификация медицинских работников низкая, не было ни одного фельдшера с законченным образованием, а медицинские сестры закончили только краткосрочные курсы. В районе, поскольку таковой является национальным, была сильно распространена трахома, и местами этой болезнью были поражены 75–80 % населения. Трахоматозных пункта было 3 и без врача-глазника. Женщины-колхозницы района были мало охвачены родильной помощью. В районе была всего одна акушерка, окончившая медицинский техникум, и одна сестра, которая вела акушерскую работу в фельдшерско-акушерском пункте. Вышеуказанные акушерка и сестра были вынуждены вести и общую лечебную работу, отвлекаясь от своих непосредственных функций. В районе не было санитарного врача, хотя санитарное состояние района было не благополучно, встречались случаи заболеваний тифом, скарлатиной, дифтерией, корью и т.д. [15, л. 9]. Медицинское учреждение района не было обеспечено в достаточной степени помещениями и другим оборудованием. Асекеевская больница не имела заразного барака. Медработники и другой обслуживающий персонал не были обеспечены квартирами [15, л. 10].

Большое значение придавалось повышению образовательного уровня среди национальных меньшинств, их направляли на курсы обучения в Москву, в сельских местностях родителей убеждали отпускать девочек из мусульманских семей в школу, со временем это привело к увеличению процента посещения школ девочками, среди казашек – до 21,3 %, среди татарок в селах – 46 %, в городах – 50 %. Что касается нетюркских народов – немцев, мордвы, то эти нации в культурном отношении были на одном уровне с русским населением, поэтому просветительская работа среди них не была остро необходимой, но, подчеркивалось, данные национальности были склонны к религиозным убеждениям, а в силу их образованности проводить культурно-просветительскую работу в данном случае было сложнее [13, л. 95, 98, 99]. Растущие потребности в педагогических кадрах стали причиной открытия новых учительских институтов в Башкирской АССР. Деятельность учительских институтов была частью национальной политики и способствовала росту национальных кадров в соответствии с планами коренизации [16, с. 201].

В Оренбургской области, граничащей с Казахской ССР, отмечался большой процент казахского населения, который в силу национальной специфики был задействован в животноводческих совхозах. Разбросанность казахских колхозов по хозяйственным аулам представляла трудность для посещения школы детьми. В зимний период, который сопровождается буранами и морозами, многие дети не посещали школу. Существовавшие аульные школы не давали необходимой грамотности казахским детям из-за низкой квалификации самих учителей. Большинство учителей аульных школ не имели специального образования, а некоторые даже не имели никакого образования, только практический опыт и 1–2 месяца краткосрочных курсов. Большинство детей после окончания аульных школ не имели возможности продолжать учебу, потому что у их не было подготовки поступления в неполную среднюю школу, техникум и т.д. 99 % учителей казахских школ не знали русского языка, а также слабо знали новый латинизированный алфавит [11, л. 25].

При вовлечении национальных меньшинств в общественную жизнь всплывали всевозможные предрассудки. Например, в Челябинской области при выборе председателя населенного пункта женщины призывали знакомых голосовать за главу своего семейства, подчеркивая не его личные качества, а родовое происхождение. Тем не менее важно было привлечь к общественной жизни женщин разных национальностей для повышения их культурного уровня. Среди национальных меньшинств продолжали встречаться бытовые предрассудки в виде сохранения калыма или многоженства [12, с. 113–114].

Челябинская область как один из индустриальных центров страны представляла особый интерес для государства. Многонациональный состав жителей этой области пополнялся жителями других регионов, прибывавших сюда на стройки индустриализации. В Постановлении Президиума ВЦИК о работе Магнитогорского горсовета среди рабочих из национальных меньшинств отмечалось, что Магнитогорский горсовет и дирекция комбината не принимали достаточных мер для улучшения культурно-бытового обслуживания рабочих из национальных меньшинств и для помощи им в деле овладения техникой и повышения квалификации. Поэтому Магнитогорскому горсовету было предложено принять совместно с дирекцией комбината меры для максимального охвата рабочих из национальных меньшинств, особенно ударников и женщин, технической учебой для повышения их квалификации и последовательного продвижения на более сложную и ответственную работу. Обеспечить рост культурной самостоятельности рабочих из национальных меньшинств и активное участие их в работе клубов, библиотек и других культурно-просветительных учреждений, организуя в них национальные секторы и подбирая для них соответствующих квалифицированных руководителей. Усилить работу по интернациональному воспитанию масс, решительно борясь со всеми проявлениями как великорусского шовинизма, так и местного национализма. Выделить в соцгороде квартиры лучшим ударникам – рабочим и работницам из национальных меньшинств. Привлечь в текущем году к учебе на родном языке всех неграмотных и малограмотных рабочих их национальных меньшинств. Кроме того, президиум ВЦИК предложил Наркомпросу РСФСР командировать в Магнитогорск к новому учебному году на постоянную работу не менее 5 квалифицированных педагогов из казахов, татар и башкир и организовать снабжение

Магнитогорска художественной литературой на национальных языках. Наркомздраву РСФСР было предложено усилить медицинское обслуживание национальных меньшинств и командировать в Магнитогорск на постоянную работу 3 врачей, знающих казахский, татарский, башкирский языки [12, с. 169].

Таким образом, первые десятилетия советской власти, 1920–1930-е гг., в Советском Союзе и в том числе на Южном Урале велась последовательная политика по урегулированию национального вопроса – уравнивание интересов национальных меньшинств, административно-территориальное деление с учетом компактного расселения этнических групп, вовлечение национальных меньшинств в экономическую, культурную, политическую жизнь нового государства. Культурно-просветительская работа была важна для населения Южного Урала, с ее помощью повышался образовательный уровень среди населения, осуществлялась профилактика заболеваний, женское население вовлекалось в общественную жизнь. Национальная принадлежность отражалась на матримониальном поведении населения, среди нерусских народов чаще встречались многодетность, патриархат, ранние браки, хотя практика их регистрации в 1930-е гг. пока не закрепились. Национальный состав накладывал отпечаток на экономическое и культурное развитие. Согласно переписи 1939 г. в Челябинской области проживало русских 87,22 %, татар – 4,27 %, украинцев – 2,96 %, башкир – 2,51 %, казахов – 1,03 %, мордвы – 0,67 % [17, с. 35]. В Чкаловской области русских – 69,16 %, украинцев – 9,07 %, мордвы – 6,91 %, татар – 6,25 %, казахов – 4,26 %, башкир – 1,34 %, чувашей – 1,13 %, немцев – 1,1 %, белорусов – 0,23 %. В БАССР русских – 40,56 %, татар – 24,61 %, башкир – 21,25 %, чувашей – 3,38 %, украинцев – 2,92 %, марийцев – 2,85 %, мордвы – 1,83 %, удмуртов – 0,8 % [18, с. 238]. В обеих областях и автономной республике Южного Урала велика численность русского населения, его количество разнится от 80 до 40 %. В период 1930-х гг. растет уровень образованности населения, увеличивается численный состав рабочих. В зависимости от преобладания той или иной нации на определенных субъектах южно-уральского региона складывалось экономическое положение административно-территориальной единицы. Там, где русские составляли большинство населения, например в Челябинской области, преобладал индустриальный сектор, тюркские народы больше были связаны с аграрным сектором (животноводством), поэтому Башкирская АССР в первые десятилетия существования Советского Союза ассоциируется как аграрная республика. Советское государство активно проводило культурно-просветительскую деятельность среди национальных меньшинств, повышало их культурный, образовательный уровень, максимально практикуя реализацию прав представителей разных наций советского народа.

Список литературы

1. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : ОГИЗ, 1935. Т. 1. 1566 с.
2. Сталин И. В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России // Правда. 1920. № 226.
3. Политика Советского государства по национальным делам за три года (1917–1920 гг.). М. : Гос. изд-во, 1920. 185 с.
4. Гурьев Н. А. Национальные меньшинства Урала. М. : Работник просвещения, 1930. 67 с.

5. Самойлов Ф. Н. Малая Башкирия в 1918–1920 гг. Из истории первого опыта советской национальной политики. М. : Старый большевик, 1933. 95 с.
6. Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М. : Мысль, 1987. 303 с.
7. Федорова А. В. Народы Южного Урала: этнический взгляд на истории. Оренбург : Пресса, 2001. 196 с.
8. Амелин В. В., Торукало В. П. Оренбуржье в этнополитическом измерении : в 2 т. М. : ЦИМО ИЭА, 1996. Т. 2. 266 с.
9. Моргунов К. А. Исторический опыт государственного регулирования национальных отношений на Южном Урале (1917–1939 гг.). Оренбург : Пресса, 2005. 263 с.
10. Моргунов К. А. Исторический опыт государственного регулирования национальных отношений на Южном Урале (1917–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2000. 26 с.
11. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 371. Оп. 1. Д. 134.
12. Челябинская область. 1917–1945 гг. : сб. док. и материалов / под ред. проф. П. Г. Ага-рышева. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1998. 302 с.
13. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 655. Оп. 5. Д. 173.
14. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 146.
15. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 145.
16. Шагеева М. Ш. Учительские институты Башкирской АССР и их роль в подготовке педагогических кадров в 1930–1950-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38), ч. 3. С. 200–203.
17. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. Россия. М. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 207 с.
18. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион : сб. материалов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. 372 с.

References

1. Ushakov D.N. (ed.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. = Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. Moscow: OGIZ, 1935;1:1566. (In Russ.)
2. Stalin I.V. The policy of the Soviet government on the national question in Russia. *Pravda = Truth*. 1920;(226). (In Russ.)
3. *Politika Sovetskogo gosudarstva po natsional'nym delam za tri goda (1917–1920 gg.) = The policy of the Soviet state on national affairs for three years (1917–1920)*. Moscow: Gos. izd-vo, 1920:185. (In Russ.)
4. Gur'ev N.A. *Natsional'nye men'shinstva Urala = National minorities of the Urals*. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya, 1930;67. (In Russ.)
5. Samoylov F.N. *Malaya Bashkiriya v 1918–1920 gg. Iz istorii pervogo opyta sovetskoy natsional'noy politiki = Malaya Bashkiriya in 1918–1920. From the history of the first experience of the Soviet national policy*. Moscow: Staryy bol'shevik, 1933:95. (In Russ.)
6. Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M. *Mnogoobrazie kul'turnoy zhizni narodov SSSR = The diversity of the cultural life of the peoples of the USSR*. Moscow: Mysl', 1987:303. (In Russ.)
7. Fedorova A.V. *Narody Yuzhnogo Urala: etnicheskiy vzglyad na istorii = The peoples of the Southern Urals: an ethnic view of history*. Orenburg: Pressa, 2001:196. (In Russ.)
8. Amelin V.V., Torukalo V.P. *Orenburzh'e v etnopoliticheskom izmerenii: v 2 t. = Orenburg region in the ethnopolitical dimension: in 2 volumes*. Moscow: TsIMO IEA, 1996;2:266. (In Russ.)

9. Morgunov K.A. *Istoricheskiy opyt gosudarstvennogo regulirovaniya natsional'nykh otnosheniy na Yuzhnom Urale (1917–1939 gg.) = Historical experience of state regulation of ethnic relations in the South Urals (1917–1939)*. Orenburg: Pressa, 2005:263. (In Russ.)
10. Morgunov K.A. *Historical experience of state regulation of ethnic relations in the South Urals (1917–1939)*. PhD abstract. Orenburg, 2000:26. (In Russ.)
11. *Ob"edinenny gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (OGAEO)*. F. 371. Op. 1. D. 134 = *United State Archive of the Orenburg Region. Fund 371. Item 1. File 134*. (In Russ.)
12. Agaryshev P.G. (ed.). *Chelyabinskaya oblast'. 1917–1945 gg.: sb. dok. i materialov = Chelyabinsk region. 1917–1945: collected reports and materials*. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1998:302. (In Russ.)
13. *Samarskiy oblastnoy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii*. F. 655. Op. 5. D. 173 = *Samara Regional State Archive of Socio-Political History. Fund 655. Item 5. File 173*. (In Russ.)
14. *OGAEO*. F. 371. Op. 1. D. 146 = *United State Archive of the Orenburg Region. Fund 371. Item 1. File 146*. (In Russ.)
15. *OGAEO*. F. 371. Op. 1. D. 145 = *United State Archive of the Orenburg Region. Fund 371. Item 1. File 145*. (In Russ.)
16. Shageeva M.Sh. Pedagogical institutes of the Bashkir ASSR and their role in the training of teachers in the 1930–1950ss. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice*. 2013;(12):200–203. (In Russ.)
17. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda. Osnovnye itogi. Rossiya = All-Union population census of 1939. Main results. Russia*. Moscow: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITs, 1999:207. (In Russ.)
18. Motrevich V.P. (comp.). *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1939 goda: Ural'skiy region: sb. materialov = All-Union Census of the USSR of 1939: Ural region: collected materials*. Ekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo un-ta, 2002:372. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Альбина Исламовна Азхиголова
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
всеобщей истории и методики
преподавания истории и
обществознания, Оренбургский
государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург,
ул. Советская, 19)

E-mail: azhigylova@mail.ru

Albina I. Azhigulova
Candidate of historical sciences,
senior lecturer of the sub-department
of general history and methods of
teaching history and social studies,
Orenburg State Pedagogical
University (19 Sovetskaya street,
Orenburg, Russia)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 16.02.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.04.2023

Принята к публикации / Accepted 15.05.2023